

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

В. Н. Винокуров*

ЧЕЛОВЕК В СИСТЕМЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ КАК ОБЪЕКТ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ И КРИТЕРИЙ ПОСТРОЕНИЯ ОСОБЕННОЙ ЧАСТИ УК РФ

Анализируются проблемы признания человека объектом преступления. Автор полагает, что когда речь идет о человеке как объекте преступления, он рассматривается в ценностном аспекте как объект уголовно-правовой охраны. Кроме того, объектом уголовно-правовой охраны следует признавать человека в системе общественных отношений.

Ключевые слова: объект преступления, человек, общественные отношения, вред, посягательство, убийство, классификация, последствия, система Особенной части УК

В последнее время в теории уголовного права обсуждается вопрос об объекте преступления. Результатом дискуссии стало отрицание концепции «объект преступления – общественные отношения». Критика этой концепции основывается на следующем. Во-первых, признание объектом преступления общественных отношений ставит их на высшую ступень иерархии социальных ценностей. Получается, что уголовный закон существует ради установленного порядка отношений. Во-вторых, несмотря на то что любое преступление всегда сопряжено с нарушением тех или иных общественных отношений, этот факт не образует сущности общественной опасности преступления, так как преступление причиняет вред определенным ценностям (благам), а через них – личности, обществу, государству, ради охраны которых и существует уголовный закон¹. Значит, по мнению А. В. Наумова, теория общественных отношений не может быть признана универсальной, поскольку объектом преступлений против собственности выступают общественные отношения, в то же время при преступлениях против личности эта трактовка не срабатывает. Поэтому объектом преступления следует признавать те блага (интересы), охраняемые уголовным законом, на которые посягает преступление².

Следует рассмотреть целесообразность и возможность использования в качестве объекта преступления такого понятия, как «благо». Благо – ценностное понятие, общий характер которого порождает трудность в его определении, проявляющаяся в том, что благо нередко определяется через понятие «ценность», а «ценность» – через понятие «благо». Объект может выступать в качестве блага или не быть таковым в зависимости от того, какие стороны, свойства включены

* Кандидат юридических наук, доцент Сибирского юридического института МВД России (Красноярск).

во взаимоотношения с человеческими потребностями³. Понятие «благо» не конкретизировано; это то ли вещь материального мира, то ли нечто субъективное из сферы восприятия этой вещи. Использование его в качестве объекта преступления приведет к терминологической путанице, когда объектом преступлений против собственности необходимо будет признавать материальные блага. Понятие «благо» охватывает явления, существенно различающиеся по степени обобщенности, например вещь и общественную безопасность⁴. Не вызывает сомнений включение в категорию «благо» таких реалий действительности, как жизнь, здоровье, достоинство человека. «В то же время, – отмечает В. П. Емельянов, – представляется далеко не безупречным отнесение к категории „благо“, к примеру, деятельности тюремной системы, посягательство на которую преследуется в уголовном порядке. Это вынужденный атрибут государственной власти, который вряд ли можно назвать благом для человека и человечества»⁵.

Термин «ценность» («благо») можно употреблять только в качестве характеристики свойств каких-либо явлений в системе общественных отношений. Любое явление становится общественной ценностью, только если оно удовлетворяет потребности общества и у общества возникает потребность обеспечить условия для существования и использования этого блага. Так, для отдельных людей некоторые предметы имеют большую ценность (фотографии близких родственников и пр.), но их хищение или уничтожение не считается преступлением, поскольку они не представляют общественной ценности⁶. В связи с этим не имеет перспективы противопоставление любой социальной ценности (будь то жизненный интерес, правовое благо или что-нибудь иное) общественным отношениям. Идея блага как объекта преступления не вызывает возражений, кроме одной оговорки: то или иное правовое благо или социальная ценность имеют смысл только в рамках этих отношений, элементами которых они выступают и по поводу сохранности которых общественные отношения складываются и существуют⁷. Поэтому в качестве ценности можно рассматривать общественные отношения, складывающиеся и развивающиеся в интересах общества, вследствие чего обозначение объекта преступления через понятие «ценность» возможно лишь в целях экономии, но не по существу⁸.

Недопустимо рассматривать в качестве объекта преступления благо в смысле, который вкладывает в него А. В. Наумов, поскольку, во-первых, это ведет к смешению объекта и предмета, что затрудняет разграничение преступлений; во-вторых, указание на объект преступления как на «благо» соответствует формальному определению преступления, которому присущи включение признака противоправности и отсутствие признака общественной опасности⁹. Кроме того, признавая при хищении объектом преступления общественные отношения, А. В. Наумов полагает, что при убийстве теория общественных отношений не срабатывает и объектом следует считать блага (интересы). Получается, что понятие объекта применительно к разным преступлениям различно, чего не должно быть.

По мнению А. В. Наумова, исходной позицией признания в качестве объекта преступления общественных отношений послужило марксистское понимание сущности человека как «совокупности всех общественных отношений»¹⁰. Следует отметить, что К. Маркс в работе «Тезисы о Фейербахе» писал: «Фейербах сводит религиозную сущность к человеческой сущности. Но сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений»¹¹. Поэтому выражение «человек есть

совокупность общественных отношений», строго говоря, не совсем точно, так как общественные отношения выражают социальную сущность, но не всего человека как явления. Человек может существовать лишь как элемент социальной системы и перестает существовать вне ее. Трактовать общественные отношения как сущность человека – значит, выводить эту сущность за его пределы. Логичнее считать не общественные отношения сущностью человека, а человека их сущностью¹². «Выдвижение личности на первое место, – отмечал А. А. Тер-Акопов, – не означает игнорирование общественных отношений как объекта преступного посягательства, но последние имеют значение лишь постольку, поскольку обеспечивают интересы личности. Поэтому общим объектом преступления (объектом уголовно-правовой охраны. – В. В.) следует признать личность и отношения, обеспечивающие интересы личности»¹³.

Следовательно, трудно согласиться с Г. П. Новоселовым, полагающим, что понятие объекта преступления должно основываться на сущности и направленности вреда, который причиняется или может быть причинен в результате преступления, и что не люди существуют ради общественных отношений, а общественные отношения возникают ради реализации интересов людей, поэтому объектом любого преступления, а не только направленного против личности, являются люди, которые в одних случаях выступают в качестве отдельных физических лиц, в других – как некоторого рода множества лиц, имеющих или не имеющих статус юридического лица, в-третьих – как социум (общество)¹⁴.

Действительно, любое преступление в конечном счете причиняет вред людям, потому признание объектом преступления не общественных отношений, а людей или блага, на первый взгляд, обоснованно, но с этим сложно согласиться. Во-первых, авторы, отрицающие концепцию «объект преступления – общественные отношения», ссылаются на положения теории уголовного права досоветского периода, где объектом преступления признавались правовые блага как конкретные отношения и состояния, охраняемые законом под угрозой наказания. Во-вторых, из внимания упускается, что в советском уголовном праве объект преступления рассматривался не с позиции ценностей как объект уголовно-правовой охраны, а в основном как элемент его состава. Вне общества и существующих в нем отношений ни личность, ни ее интересы, ни субъективные права граждан немислимы. Посягательство на конкретных носителей участников общественных отношений не означает, что непосредственным объектом преступлений является только человек, его жизнь, так как существуют другие преступления против жизни, закрепленные в других главах УК¹⁵.

Таким образом, когда речь идет о личности как объекте преступления, она понимается в ценностном аспекте как объект уголовно-правовой охраны всей совокупности общественных отношений, охраняемых уголовным законом, и как родовой объект преступлений, указанных в разделе «Преступления против личности». Данное понимание объекта уголовно-правовой охраны не противоречит традиционному пониманию механизма причинения вреда общественным отношениям, поскольку сторонники объекта преступления как интереса или блага едины, рассматривая в качестве объекта преступления один из элементов структуры общественного отношения, т. е. какую-то часть целого. Причиняя вред части, нельзя не причинить вред целому. Например, если у стола сломана ножка, это значит, что сломан весь стол. Преступление может причинять вред в первую очередь интересам, благам, субъекту отношений, но в конечном счете и общественным отношениям¹⁶. Закон охраняет жизнь каждого и всех, утверждая нерушимость такой орга-

низации общества, которая обеспечивает любому его члену личную безопасность. Поэтому утверждение, что при посягательстве на жизнь или здоровье конкретного человека нарушаются только его права, неверно, так как это не соответствует сущности уголовного права. Если совершено убийство, объектом преступления выступают интересы всего общества, поскольку тот, кто убит, – один из нас. «В этом утверждении, – пишет Н. М. Кропачев, – нет принижения абсолютной ценности человека как биологического существа, есть только констатация фактического положения вещей»¹⁷.

Природа преступления в том и заключается, что оно причиняет вред обществу. Если под последствиями преступления понимать только физические (материальные), а не социальные последствия, например смерть людей, утрату имущества, то невозможно обосновать уголовную ответственность иностранца, совершившего на территории РФ преступление против другого иностранного гражданина. Однако это легко сделать, если объектом преступления признать общественные отношения¹⁸. Далее, если считать объектом преступления человека вне системы общественных отношений, то нельзя обосновать правомерность лишения жизни посягающего в состоянии необходимой обороны. Также непреступным тогда следует признавать причинение смерти и вреда здоровью по просьбе самого потерпевшего, хотя это является преступлением¹⁹. Отнесение к объекту преступления человека не позволяет объяснить, почему в одних случаях причинение ему смерти по неосторожности квалифицируется по ст. 109 УК РФ, в других – по ст. 143 либо по ст. 264. Объяснить это просто, если объектом преступления будут отношения, складывающиеся по поводу безопасных условий труда (ст. 143), отношения по поводу безопасности дорожного движения (ст. 264) и т. д.

Представляется, что приведенные доводы позволяют согласиться с тем, что отказ от понимания общественных отношений как объекта преступления обусловлен не научными, а идеологическими соображениями, поскольку такую трактовку объекта преступления связывают с марксистским подходом к исследованию общественных отношений²⁰. По мнению Н. И. Коржанского, все попытки опровергнуть определение общественных отношений как объекта преступления вызваны двумя противоположными тенденциями: первая (положительная) – углубление, развитие и усовершенствование понятий, функций, роли и значения для практического понимания объекта преступления; вторая – нежелание уяснить суть такой субстанции, как общественные отношения²¹.

При этом, поскольку сами по себе общественные отношения как типизированные устойчивые связи абстрактны, объектом уголовно-правовой охраны следует признавать не личность и не общественные отношения, а человека в системе общественных отношений. Это обусловлено тем, что уголовный закон охраняет не только личность, но и жизнь, здоровье и иные интересы новорожденных, которые еще не являются личностью, а также лиц, страдающих слабоумием, которые никогда не станут личностями²². Поэтому, возможно, разд. VII «Преступления против личности» следует называть «Преступления против человека».

Такое понимание объекта уголовно-правовой охраны укладывается в систему защиты человека уголовно-правовыми нормами, состоящую из нескольких уровней. Охрана жизни и здоровья начинается на «дальних подступах», когда преступления не направлены непосредственно на жизнь и здоровье, хотя и создают условия для причинения вреда (преступления против здоровья населения). Второй уровень составляют нормы, устанавливающие ответственность за преступления,

ставящие в непосредственную опасность жизнь и здоровье (хулиганство), когда охрана человека опосредуется охраной различных общественных отношений. Третий уровень включает нормы, закрепляющие ответственность за причинение вреда жизни и здоровью человека, хотя непосредственно на них не направленные (преступления против безопасности движения транспорта). К четвертому уровню относятся нормы, предусматривающие ответственность за непосредственное воздействие на человека²³.

Ценность объекта уголовно-правовой охраны определяет систему Особенной части УК РФ, критериями построения которой выступают: важность отношений, которым причиняется вред в результате совершения преступления, а также механизм причинения вреда личности: непосредственным воздействием на субъект отношений или посредством воздействия на предметы внешнего мира либо разрыва социальных связей. Как справедливо полагал П. С. Тоболкин, объектами абсолютной ценности в уголовном праве должны быть признаны такие общественные отношения, посягательство на которые безотносительно к его интенсивности и каким-либо условиям дает основание признавать деяния общественно опасными²⁴.

По верному мнению А. П. Козлова, с позиций экономического базиса главной производительной силой является совокупность людей, поэтому именно она должна стать приоритетом в защите, в конечном счете таковым должно быть человечество, а уже потом его составляющая – личность²⁵. Следовательно, признавая приоритет защиты человека как наиболее важной ценности, нужно учитывать, что некоторые преступления причиняют вред не одному человеку, а всему обществу, когда виновный воздействует на условия его существования. Значит, как считают А. Н. Красиков и Ю. А. Игнатов, Особенная часть УК РФ должна начинаться с раздела «Преступления против мира и безопасности человечества», так как они направлены не против отдельной личности, а против масс людей. Не случайно на первом месте в Особенной части УК ФРГ расположена глава «Нарушение мира», а первый раздел Особенной части УК Франции содержит нормы, предусматривающие ответственность за преступления против человечества²⁶.

Поскольку гарантом сохранения нормального существования общества выступает государство, представляется, что нормы, устанавливающие ответственность за преступления против него, должны располагаться в системе Особенной части УК РФ после норм, закрепляющих ответственность за преступления против мира и безопасности человечества. Это обосновывается тем, что защита личности невозможна в слабом государстве с недостаточно сильным механизмом уголовно-правовой охраны. Сверхнаивным было бы считать, что степень защиты личности в правовом государстве зависит от того, на каком месте окажется в Особенной части УК РФ раздел, где содержатся нормы, предусматривающие ответственность за преступления против личности²⁷. Так, Н. И. Загородников, сторонник признания в качестве объекта преступления не общественных отношений, а человека, отмечал, что Особенная часть должна начинаться с преступлений против государства. Во-первых, только в сильном государстве возможна действенная защита личности. Во-вторых, это соответствует традициям отечественного уголовного права, ведь нормы, устанавливающие ответственность за посягательства на государственный строй и целостность государства, всегда были расположены в первой главе уголовных уложений и уголовных кодексов²⁸. Ни о какой приоритетности интересов личности перед интересами государства, по крайней мере в сфере уголовного законодательства, речи быть не может. Ни одно указание Кон-

ституции РФ и УК РФ не предусматривает преимущественной защиты интересов личности по сравнению с защитой интересов государства. Единственное, о чем может идти речь, – это то, что в соответствии с Конституцией РФ права и свободы человека и гражданина ограждены правовыми рамками от произвольного вторжения государства в их частную жизнь. Только в данном смысле можно говорить о приоритете интересов личности перед интересами государства²⁹. Так, в УК ФРГ нормы, закрепляющие ответственность за государственную измену, сформулированы во второй главе Особенной части, при этом никто не говорит о недостаточной уголовно-правовой охране личности в Германии.

Затем должны располагаться нормы, предусматривающие ответственность за преступления против экологии, так как благоприятная природная среда – это условие существования общества.

Таким образом, несмотря на провозглашение в Конституции РФ приоритета неприкосновенности личности, выделение и помещение на первое место в системе Особенной части УК РФ норм, устанавливающих ответственность за преступления, посягающие на основы государственного устройства и среду обитания, не будет противоречить приоритету защиты личности. Во-первых, если не будет таких условий существования общества, как государственные институты и среда обитания, то вряд ли можно говорить о неприкосновенности личности. Во-вторых, если внимательно прочесть диспозиции статей гл. 34 УК РФ, то можно увидеть, что речь идет об ответственности за приготовление к массовому убийству или за массовое убийство. Поэтому почти все преступления, перечисленные в гл. 34 УК РФ, относятся к особо тяжким и тяжким за исключением преступления, предусмотренного ст. 354 УК РФ. Кроме того, в отношении ряда преступлений отсутствуют сроки давности привлечения к уголовной ответственности³⁰.

В УК РФ есть нормы, предусматривающие ответственность за посягательства на так называемые объекты с открытой структурой, когда преступление причиняет вред целому комплексу общественных отношений: жизни, здоровью, собственности. К ним следует отнести бандитизм (ст. 209), массовые беспорядки (ст. 212)³¹. Ответственность за террористический акт, захват заложника, бандитизм, массовые беспорядки, когда в процессе их совершения происходит непосредственное воздействие на человека, установлена в гл. 24 УК РФ «Преступления против общественной безопасности», где также расположены нормы, закрепляющие ответственность за причинение вреда в результате нарушения определенных правил (ст. 215, 222), когда непосредственного воздействия на человека не происходит. Кроме того, террористический акт (ст. 205) причиняет вред самым разнообразным отношениям³². Поэтому представляется, что ответственность за преступления против общей безопасности, предусмотренные ст. 208–212 УК РФ, должна быть закреплена в отдельной главе после главы, устанавливающей ответственность за экологические преступления.

Система Особенной части УК РФ должна строиться в зависимости от механизма воздействия на человека в системе общественных отношений. В дальнейших главах Особенной части следует расположить нормы, предусматривающие ответственность за посягательства на жизнь, здоровье (ст. 105–125), половую свободу (ст. 131–132), неприкосновенность личной жизни (ст. 139), право собственности (ст. 158–168). Затем должны идти нормы, устанавливающие наказание за нарушение определенных правил, повлекшее причинение смерти и вреда здоровью либо создающее угрозу причинения такого вреда (ст. 215, 222).

При этом необходимо уточнить один момент. В Особенной части УК РФ есть нормы, устанавливающие ответственность за непосредственное воздействие на жизнь, здоровье, честь и достоинство человека (ст. 277, 295–296, 317–319), которые расположены в других главах. При этом жизнь, здоровье, честь и достоинство человека выступают в качестве дополнительных объектов преступления, а основными являются основы конституционного строя, интересы правосудия, порядок управления³³. Однако, признавая некоторое несовпадение ценностей, охраняемых уголовным законом, таких как жизнь человека и порядок управления, сторонники выделения ст. 317 как специальной нормы по отношению к норме, предусмотренной п. «б» ч. 2 ст. 105, отмечают, что охрана жизни человека усиливается тем, что деяние считается оконченным на более ранней стадии – покушении на убийство, а также размером санкции ст. 317 (от 12 до 20 лет лишения свободы) по сравнению с санкцией ч. 2 ст. 105 (от 8 до 20 лет лишения свободы).

Авторы, выступающие за признание человека объектом преступления, упустили из виду, что в ст. 317 УК РФ основным непосредственным объектом признается не жизнь сотрудника правоохранительного органа, а порядок управления, и не предлагают путей устранения данного противоречия. В теории уголовного права по этому поводу есть разные мнения. Так, В. С. Ткаченко считает, что виновный в таком случае посягает не на два объекта, а на два структурных элемента одного и того же отношения – управленческую деятельность и субъекта этой деятельности³⁴. По мнению П. В. Замосковцева, когда преступление посягает на несколько разнородных интересов, лежащих в различных сферах родовых объектов, например ч. 2 ст. 188 УК РСФСР (ч. 2 ст. 313 УК РФ), необходимо говорить не о выделении основного и дополнительного объектов, а о суммарном непосредственном объекте, который по своей природе складывается из нескольких разнопорядковых общественных отношений и лежащих в их основе интересов³⁵. Похожей позиции придерживается С. В. Землюков, полагающий, что при разбое (ст. 162 УК РФ) неправомерно выделять основной и дополнительный объекты преступления, так как объект этого преступления является единым, включающим два равнозначных обязательно взаимообусловленных понятия³⁶. С указанными авторами сложно согласиться, поскольку составы, приведенные ими в качестве примеров, условно можно разложить на два, в частности состав ч. 2 ст. 313 – на составы, предусмотренные ч. 1 ст. 313 и ст. 112, 115. Но поскольку побег с применением насилия, по мнению законодателя, распространен, то два состава объединены в один (ч. 2 ст. 313).

Таким образом, возникает противоречие между положениями УК РФ и доминирующим взглядом на человека как высшую ценность. По обоснованному мнению Т. Н. Нуркаевой, никакие интересы органов власти и управления не могут быть по значимости выше, чем жизнь лица, принадлежащего по роду своей деятельности к той или иной системе органов власти и управления³⁷. Правильное решение вопроса о систематизации двухобъектных преступлений определяется сопоставлением социальной значимости тех общественных отношений и личных интересов, на которые непосредственно воздействует преступление. Если личное благо обладает большей социальной ценностью, чем общественное благо, то нет оснований для исключения нормы, предусматривающей ответственность за соответствующее посягательство, из системы преступлений против личности, и наоборот. Как справедливо считают ряд авторов, это означает, что оправданно включение в систему государственных преступлений нормы, устанавливаю-

щей наказание за посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля (ст. 66 УК РСФСР; ст. 277 УК РФ), так как интересы государственного строя важнее, чем жизнь отдельной личности.

В то же время вряд ли можно признать правильным исключение из системы преступлений против личности посягательства на жизнь работника милиции (ст. 191² УК РСФСР; ст. 317 УК РФ)³⁸. Это обосновывается тем, что убийство государственного или общественного деятеля может привести к дестабилизации политической ситуации в отдельных регионах, к ослаблению государства, которое является гарантией обеспечения неприкосновенности прав отдельной личности.

Кроме того, следует отказаться от понятия «посягательство», заменив его понятием «убийство». Это обусловлено тем, что под посягательством понимается как убийство, так и покушение на убийство. Поэтому если виновный не достиг желаемого (смерти), а также ошибся в личности, например причинил лишь средней тяжести вред здоровью родственнику судьи, которого он перепутал с судьей, то его действия нужно рассматривать как покушение на убийство лица, осуществляющего правосудие.

Для охраны лиц, осуществляющих правосудие и управление, будет достаточно запретов, сформулированных в п. «б» ч. 2 ст. 105, п. «а» ч. 2 ст. 111, п. «б» ч. 2 ст. 112 УК РФ, так как санкция нормы, предусмотренной ч. 2 ст. 105, отличается от санкций ст. 295, 317 только нижним пределом (8, а не 12 лет лишения свободы), что вряд ли удержит субъекта, задумавшего убить лицо, осуществляющее правосудие или предварительное расследование, сотрудника правоохранительного органа.

Аналогичные доводы можно привести относительно наличия норм, предусмотренных ст. 295, 296, 318, 319, 321. При этом ст. 115, 116, 119, 129, 130 следует дополнить квалифицирующим признаком «в отношении лица или его близких в связи с осуществлением им служебной деятельности или выполнением общественного долга», соответственно увеличив размер наказания.

Кроме того, в гл. 16 «Преступления против личности» необходимо закрепить норму, предусматривающую ответственность за угрозу уничтожением имущества с целью воспрепятствования служебной деятельности или мести за такую деятельность. Это упростит установление интеллектуального критерия умысла. Так, вменяя состав преступления, предусмотренный ст. 317, нужно выяснить, сознавал ли виновный, что посягает на общественные отношения в сфере порядка управления, что вряд ли возможно. Проще установить осознание причинения им смерти человеку в связи с осуществлением потерпевшим служебной деятельности, чем отношениям в сфере осуществления правосудия или порядка управления, так как сознанием всегда охватывается наиболее полно ближайшее последствие, в данном случае смерть человека, а уже затем – что он причиняет вред абстрактным отношениям в сфере порядка управления. Это избавит и от выбора конкурирующих норм в процессе квалификации посягательств на лиц в связи с осуществлением ими своей служебной деятельности или выполнением общественного долга.

Вместе с тем наличие норм, предусмотренных ч. 1 ст. 318, ст. 319, создает сложности в применении ст. 76. Если основным непосредственным объектом признавать интересы государства в сфере управления, то освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим быть не может.

Таким образом, объектом уголовно-правовой охраны следует признавать человека в системе общественных отношений, нормальное функционирование которых обеспечивает его развитие. Особенная часть УК РФ должна начинаться с главы «Преступления против мира и безопасности человечества», затем должны располагаться нормы, предусматривающие ответственность за посягательство на условия нормального развития общества – государство с его институтами: «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства». Следом должен идти раздел «Преступления против экологии», так как последняя является условием существования общества. И уже после – нормы, устанавливающие ответственность за непосредственное воздействие на конкретных участников общественных отношений. Потом – нормы, посвященные ответственности за преступления, создающие угрозу для жизни и здоровья многих людей («Преступления против общей безопасности»), предусмотренные ст. 205–212. Далее должны располагаться нормы об ответственности за непосредственное воздействие на человека в системе общественных отношений. С целью устранения конкуренции норм, закрепляющих ответственность за посягательство на жизнь, здоровье, честь и достоинство лиц, осуществляющих служебную деятельность или общественный долг, следует исключить нормы, предусмотренные ст. 294–297, 317–319, 321, дополнив ст. 115, 116, 119, 129, 130 квалифицирующим признаком «в отношении лица или его близких в связи с осуществлением им служебной деятельности или общественного долга», соответственно увеличив размер наказания. Кроме того, в гл. 16 «Преступления против личности» необходимо предусмотреть норму, устанавливающую ответственность за угрозу уничтожением имущества с целью воспрепятствования осуществлению служебной деятельности или мести за такую деятельность.

¹ *Зателепин О. К.* Вопрос о понятии объекта преступления в уголовном праве // Уголовное право. 2003. № 1. С. 29–30.

² *Наумов А. В.* Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций. М., 1996. С. 147–149.

³ *Архангельский А. М.* Курс лекций по марксистско-ленинской этике. М., 1974. С. 161–163.

⁴ *Векленко В. В.* Квалификация хищений. Омск, 2001. С. 24; *Козлов А. П.* Понятие преступления. СПб., 2004. С. 234; *Вишнякова Н. В.* Объект и предмет преступлений против собственности. Омск, 2008. С. 15.

⁵ *Емельянов В. П.* Концептуальные аспекты исследования объекта преступления // Право и политика. 2002. № 10. С. 65–66.

⁶ *Филимонов В. Д.* Охранительная функция уголовного права. СПб., 2003. С. 25–26.

⁷ Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учеб. / под ред. А. И. Рарога. М., 2005. С. 103–104.

⁸ *Замосковцев П. В.* Проблема объекта уголовно-правовой охраны в свете марксистско-ленинской теории ценностей: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1973. С. 7; *Демидов Ю. А.* Социальная ценность и оценка в уголовном праве. М., 1974. С. 44; *Зателепин О.* Указ. соч. С. 31.

⁹ *Гаухман Л. Д.* Квалификация преступлений: закон, теория, практика. М., 2001. С. 71; *Кауфман М. А.* Пробелы в уголовном праве: понятие, причины, способы преодоления. М., 2007. С. 90–91.

¹⁰ *Наумов А. В.* Указ. соч. С. 147.

¹¹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. М., 1955. Т. 3. С. 3.

¹² *Дроздов А. В.* Человек и общественные отношения. Л., 1966. С. 28; *Баруллин В. С.* Социальная философия. М., 1999. С. 458.

¹³ *Тер-Акопов А. А.* Ответственность за нарушение специальных правил поведения. М., 1994. С. 10.

¹⁴ *Новоселов Г. П.* Учение об объекте преступления. Методологические аспекты. М., 2001. С. 45–63.

¹⁵ *Кузнецов А. В.* Охрана личности в советском уголовном праве // Сов. государство и право. 1971. № 9. С. 107–108; *Аниязиц М. К.* Ответственность за преступления против жизни. М., 1964. С. 18. Так, в теории советского уголовного права объектом преступлений против жизни и здоровья

признавалась личность в системе общественных отношений, а непосредственным объектом – жизнь и здоровье в системе тех же отношений (*Горелик И. И.* Ответственность за поставление в опасность по советскому уголовному праву. Минск, 1964. С. 5).

¹⁶ *Верина Г. В.* Преступления против собственности: проблемы квалификации и наказания. Саратов, 2001. С. 31.

¹⁷ *Кропачев Н. М.* Уголовно-правовое регулирование. Механизм и система. СПб., 1999. С. 110.

¹⁸ *Бойцов А. И.* Действие уголовного закона во времени и в пространстве. СПб., 1995. С. 103.

¹⁹ Так, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР признала правильной квалификацию по ч. 2 ст. 108 УК РСФСР (ч. 4 ст. 111 УК РФ) действий Г., который по просьбе гражданина Б. отрубил ему кисть руки (*Загородников Н. И.* Преступления против здоровья. М., 1969. С. 24). Аналогичное решение было вынесено по делу К., осужденного по ч. 2 ст. 108 УК РСФСР за то, что он по просьбе Н. выстрелил в него из пистолета с целью причинения вреда здоровью (Бюл. Верховного Суда РСФСР. 1970. № 7. С. 9).

²⁰ *Филимонов В. Д.* Указ. соч. С. 21; *Шарапов Р. Д.* Физическое насилие в уголовном праве. СПб., 2001. С. 164–165.

²¹ Энциклопедия уголовного права. СПб., 2005. Т. 4. Состав преступления. С. 103.

²² *Матузов Н. И.* Личность. Права. Демократия (Теоретические проблемы субъективного права). Саратов, 1972. С. 69.

²³ *Демидов Ю. А.* Указ. соч. С. 52–53.

²⁴ *Тоболкин П. С.* Социальная обусловленность уголовно-правовых норм. Свердловск, 1983. С. 112–113.

²⁵ Энциклопедия уголовного права. Т. 3. Понятие преступления. С. 197.

²⁶ Вступительная статья к Уголовному кодексу Российской Федерации. М., 1996.

²⁷ *Бавсун М. В.* Целесообразность в уголовном праве. Омск, 2004. С. 130; *Милюков С. Ф.* Российское уголовное законодательство. Опыт критического анализа. СПб., 2000. С. 51.

²⁸ *Загородников Н. И.* Объект преступления: от идеологизации содержания к естественно-научному понятию // Проблемы уголовной политики и уголовного права: межвуз. сб. науч. тр. М., 1994. С. 17–18.

²⁹ *Филимонов В. Д.* Указ. соч. С. 37.

³⁰ *Путилов П. Н., Бавсун М. В.* Степень значимости объекта уголовно-правовой охраны и некоторые вопросы построения Особенной части уголовного законодательства // Учение об объекте преступления: тенденции и перспективы развития: сб. науч. тр. Омск, 2005. С. 34.

³¹ *Землюков С. В.* Классификация объектов и последствий преступлений // Актуальные проблемы теории борьбы с преступностью и правоприменительной практики: межвуз. сб. науч. тр. Красноярск, 2000. Вып. 3. С. 14–15.

³² Так, террористические акты в США привели не только к смерти нескольких тысяч человек, но и к резкому спаду интенсивности международных авиаперевозок, в результате чего многие крупные авиакомпании оказались банкротами.

³³ Вторую группу составляют преступления, посягающие на комплексные отношения (отношения в сфере общественной безопасности, здоровья населения), где, как правило, происходит нарушение определенных правил безопасности, а жизнь и здоровье выступают дополнительным объектом (*Замосковцев П. В.* О многообъектности преступных посягательств // Проблемы борьбы с преступностью: сб. науч. тр. Омск, 1978. С. 8). Так как причинение вреда жизни и здоровью в указанных случаях происходит опосредованно и является показателем глубины поражения охраняемых общественных отношений (например, ст. 215, 264 УК РФ), эти нормы не выступают предметом исследования.

³⁴ *Ткаченко В. С.* Уголовно-правовая охрана личности сотрудников правоохранительных органов, обеспечивающих общественный порядок и общественную безопасность: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. С. 13.

³⁵ *Замосковцев П. В.* О многообъектности преступных посягательств. С. 4.

³⁶ *Землюков С. В.* Указ. соч. С. 11.

³⁷ *Нуркаева Т. Н.* Личные (гражданские) права и свободы человека и их охрана уголовно-правовыми средствами (вопросы теории и практики): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2002. С. 24.

³⁸ *Исмагилов И. А., Осипов П. П.* О системе уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за посягательства на личные интересы граждан // Вестн. ЛГУ. 1971. № 23. С. 139.